

Дмитрий
Мережковский

НОВЫЙ
ВАВИЛОН

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Новый Вавилон / Д. Мережковский. — М. : T8RUGRAM.
— 252 с.

ISBN 978-5-519-63178-5

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941) — русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

«Новый Вавилон» — сборник публицистических статей, затрагивающих важные философские, политические и социальные вопросы, а также выражающих авторскую позицию о ситуации в России начала XX века. Эта удивительная книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

МИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАШЕГО ВЕКА.....	5
НОВЫЙ ВАВИЛОН.....	16
О СВОБОДЕ СЛОВА	28
ПОСЛЕДНИЙ СВЯТОЙ.....	35
СТРАШНЫЙ СУД НАД РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ	108
ОТВЕТ НА ВОПРОС	116
МЕЧ	121
К СОБЛАЗНУ МАЛЫХ СИХ.....	158
«ПЕТЕРБУРГУ БЫТЬ ПУСТУ»	167
ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС КАК РУССКИЙ.....	179
ДВЕ РОССИИ	183
ДВЕ РЕФОРМЫ.....	198
СМЫСЛ ВОЙНЫ	227
КРЕСТ И ПЕНТАГРАММА	231
ОКОЛО ВАЖНОГО	241
О ХОРОШЕМ ВКУСЕ И СВОБОДЕ.....	246

МИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАШЕГО ВЕКА

На «piazza del Duomo» в Милане стоят рядом два огромных здания: современный торгово-промышленный «пассаж» (великолепная галерея Виктора Эммануила) и знаменитый миланский собор.

Трудно себе представить более резкий контраст. Это два века, два непримиримых человеческих взгляда на жизнь. С точки зрения реализма, с точки зрения искусства утилитарного галерея прекраснее собора.

Железо, стекло, кирпич служат разумным целям — человеческой пользе и удобству. Это здание восполняет программу позитивного искусства: архитектор Иосиф Мангони из Болоньи проник в современную буржуазную душу. Его произведения рядом с неоконченным мраморным собором, божественною мечтою средних веков, — идеал разумного комфорта и утилитарной роскоши. Но в этом полезном торгово-промышленном здании, несмотря на внешние грандиозные размеры, какое внутреннее ничтожество, какая плоскость и пошлость. На всем печать знакомого уродства и современного цивилизованного варварства. Это — бездушный железно-стеклянный сарай для товаров, исполинская мелочная лавочка. Это — вдохновение современных коммивояжеров и приказчиков, знаменитого аптекаря Гоме из «M-me Vovagu», который обо всех предметах в мире имеет такие незыблемые лакейские убеждения.

Здесь вполне чувствуешь, какая бессмыслица сочетание этих двух слов «позитивное искусство». Когда угасает

Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ

в людях то бесполезное и в сущности единственно нужное, что воздвигло великий собор, когда порывается последняя связь человеческой души с Бесконечным, искусство, несмотря на все поразительное совершенство техники, несмотря на весь небывалый реализм и научность экспериментального метода, делается пустым, уродливым и жалким.

Называя XIX век эпохой крайнего отрицания и материализма, высказывают не полную истину, а только одну часть, одну сторону истины.

В самом деле, небывалое развитие опытных знаний наложило своеобразную печать на умственный строй современного человека, породило непреодолимое, инстинктивное недоверие к творческой способности духа, к нашему внутреннему, идеальному миру. В поэзию, в религию, в любовь, в отношение к смерти и к жизни проникает особенное трезвое отношение лабораторий, научных кабинетов и медицинских клиник. Это, если можно так выразиться, запах и колорит XIX века.

Вместе с тем непрерывная, уже третий век продолжающаяся работа отрицания и разрушения прежних идеалов не могла не оставить на людях неизгладимого следа. Беспредельная скорбь и горечь познания пленяют наше сердце чувствами беспредельной умственной свободы, свободы единственной, необычайной, не испытанной еще ни одним из прошлых веков.

Дух зла не обманул своей жертвы. В самом деле, вкусив от плода познания, люди стали *«как боги»*. Ибо и в блаженстве богов нет ничего выше упоения свободой. Но искуситель должен бы предупредить: *«Вы будете как страдающие боги»*.

НОВЫЙ ВАВИЛОН

Мы начинаем замечать, что слишком увлеклись материальной стороной культуры, могуществом техники, довольно подозрительными дарами цивилизации, которые прославляются печатью. Не должно окончательно забывать, что в слове «культура» есть древний латинский корень «*cultus*» — почитание богов. Кроме усовершенствования комфорта, техники и материальной стороны жизни во всех великих исторических культурах есть духовное, бескорыстное зерно, основание нового религиозного культа, установление новой связи человеческого сердца с божественным началом мира, с бесконечным. Накопление опытных знаний, техника, — словом, вся внешняя цивилизация — только телесная оболочка, плоть культуры, плоть, которая мертвеет без внутреннего, священного огня, без дыхания идеальной жизни. Вот почему высокая степень цивилизации еще вовсе не предполагает неминуемо такой же высокой степени культуры. И на опыте современной Европы мы в этом с каждым днем все более и более убеждаемся. Культуру должно определить как взаимодействие целых поколений для достижения единой бескорыстной, идеальной цели, можно сказать, *цели мистической, религиозной*, если употреблять слово религиозной не в ограниченном, а в том беспредельно-широком, философском значении, какое ему придают современные люди: Гёте, Карлейль, Ренан. Высокая степень материальной цивилизации с низким уровнем идеальной культуры рано или поздно приводит ко всеобщему упадку, к вырождению. Еще Нибур предсказывал грядущее цивилизованное варварство, которое грозит современной Европе. Гёте на склоне лет с глубокою скорбью подтвердил это мрачное предска-

Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ

ние. В Париже, Лондоне, Вене, Нью-Йорке, в самом центре лихорадочной деятельности какой-нибудь современный капиталист, огражденный деньгами от людей, в полном одиночестве может прожить всю жизнь, как настоящий дикарь, принять даже образ и подобие зверя среди величайшего комфорта, в грандиозных отелях, похожих на дворцы, среди столь прославленных благ научной техники. От рождения до смерти никогда ни одно человеческое бескорыстное чувство не проникало в его мертвое, до ужаса мертвое и холодное сердце. Он живет в огромном современном городе, как в настоящей первобытной пустыне. Полное, страшное одиночество от колыбели до гроба. Ни поэзии, ни любви, ни веры в Бога. Никаких волнений, кроме волнений спорта биржевой игры. Разве не такой новейший варвар этот натуралистический художник, который старается превратить свою душу в точнейший аппарат для фотографических снимков природы. Разве не может быть холодного звериного сердца у этого ученого, который, погрузившись в свою крохотную схоластическую специальность, забыл про людей и Бога, про жизнь и смерть. Разве не настоящий дикарь этот изобретатель смертоносных военных орудий, новых усовершенствованных способов уничтожать человеческую жизнь?

В атмосфере бездушной торгово-промышленной цивилизации, когда идеальное, религиозное зерно культуры окончательно умирает, когда мистическая связь человека с бесконечным окончательно порывается, новые поколения могут продолжать, как обреченные на смерть, только временное, призрачное бытие. Но дух жизни от них отлетел. Когда дерево уже срублено и повалено на землю,

НОВЫЙ ВАВИЛОН

листья еще некоторое время могут жить. Не чувствуя приближения смерти, они играют на солнце, по-прежнему зеленые и свежие. Но если связь с глубокими подземными корнями, приносившими питательные соки жизни, нарушена, листья рано или поздно должны увянуть: дух жизни от них отлетел.

С другой стороны, материалистический, все отрицающий XIX век — вместе с тем эпоха еще небывалого научного и художественного мистицизма, неутомимой потребности новых религиозных идеалов, подготовительной работы еще неясного, но, во всяком случае, не разрушительного, но *творческого* движения. В этой мучительной борьбе, в глубоком контрасте двух основных начал жизни — характерная черта XIX века.

Настоящие дети его, представители современного духа, как бы они ни были враждебны друг другу, по характеру своей деятельности — мистики. Быть может, величайший из них, Гёте, так же, как его учитель Спиноза, был «человек, опьяненный Богом». Он говорил Эккерману: «Рассудок не достигает до природы; человек должен быть способен возвыситься до высочайшего разума, дабы прикоснуться к божеству, какое открывается в первичных явлениях как физических, так и нравственных; оно скрывается за ними, и они исходят от него». «Когда меня спрашивают: лежит ли в моей природе почитание солнца, я отвечаю: вполне. Ибо и оно также откровение Высочайшего, и притом самое могущественное, какое мы, дети земли, только можем воспринять. Я благоговею в нем перед светом и производительной силой Бога, которой мы живем, движемся и существуем, а с ним все растения и животные. Но если меня спросят — располо-

Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ

жен ли я преклониться перед костью большого пальца католических святых, то я отвечу: пощадите меня с вашими нелепостями». Такова религия Гёте: это свободная, истинно человеческая религия сердца и природы. Сущность ее до такой степени проста и возвышенна, что ее разделит бы даже самый темный, но искренний человек, какой-нибудь русский рационалист-сектант так же, как Сократ и Марк Аврелий. Ее первый догмат Гёте выражал двумя словами: *«Бог доньше не почил от дел своих»*. Я не понимаю, чем такая религия могла бы противоречить даже беспредельной умственной независимости, которой жаждет человечество. Такая вера, такое поклонение Непознаваемому — самое сердце, самое дыхание жизни всякой культуры, то, без чего люди могут строить полезные торгово-промышленные заведения вроде галереи Виктора Эммануила, но никогда не создадут ничего истинно прекрасного и великого. Для чего нужна эта религия, какая в ней польза? Словами доказать необходимость религии человеку, который не чувствует в ней потребности, невозможно. Вот что Гёте отвечает на эти вечные ограниченные вопросы ограниченных людей: *«Высшее, чего может достигнуть человек, есть чувство изумления, и когда первичное явление приводит его в изумление, то он должен быть доволен: высшее ему недоступимо, и ему не следует искать дальнейшего; тут граница»*.

Так думал жизнерадостный олимпийский Гёте, величайший представитель двух последних веков. Но полная умственная противоположность Гёте, ненавистник жизни и радости, проповедник мирового отчаяния и пессимизма Шопенгауэр — такой же мистик. В материалисти-